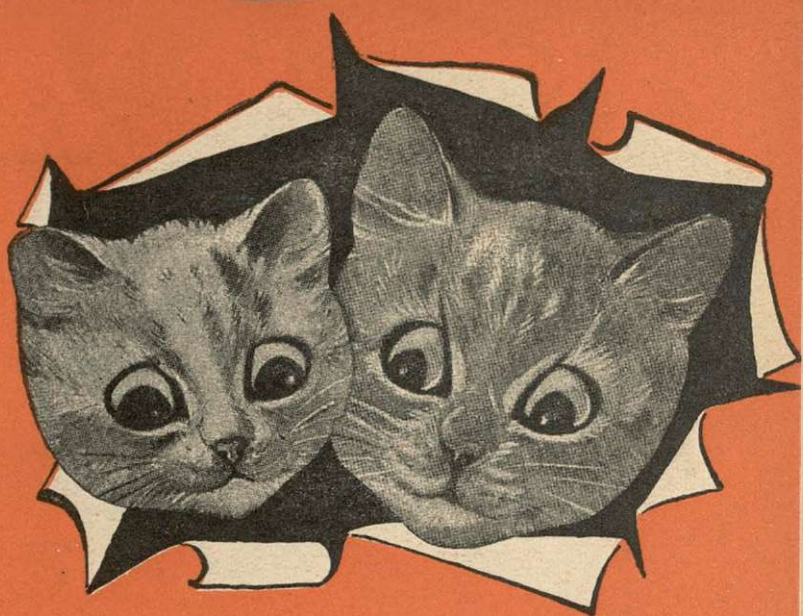

№ 23

ОКТАБРЬ

1908.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

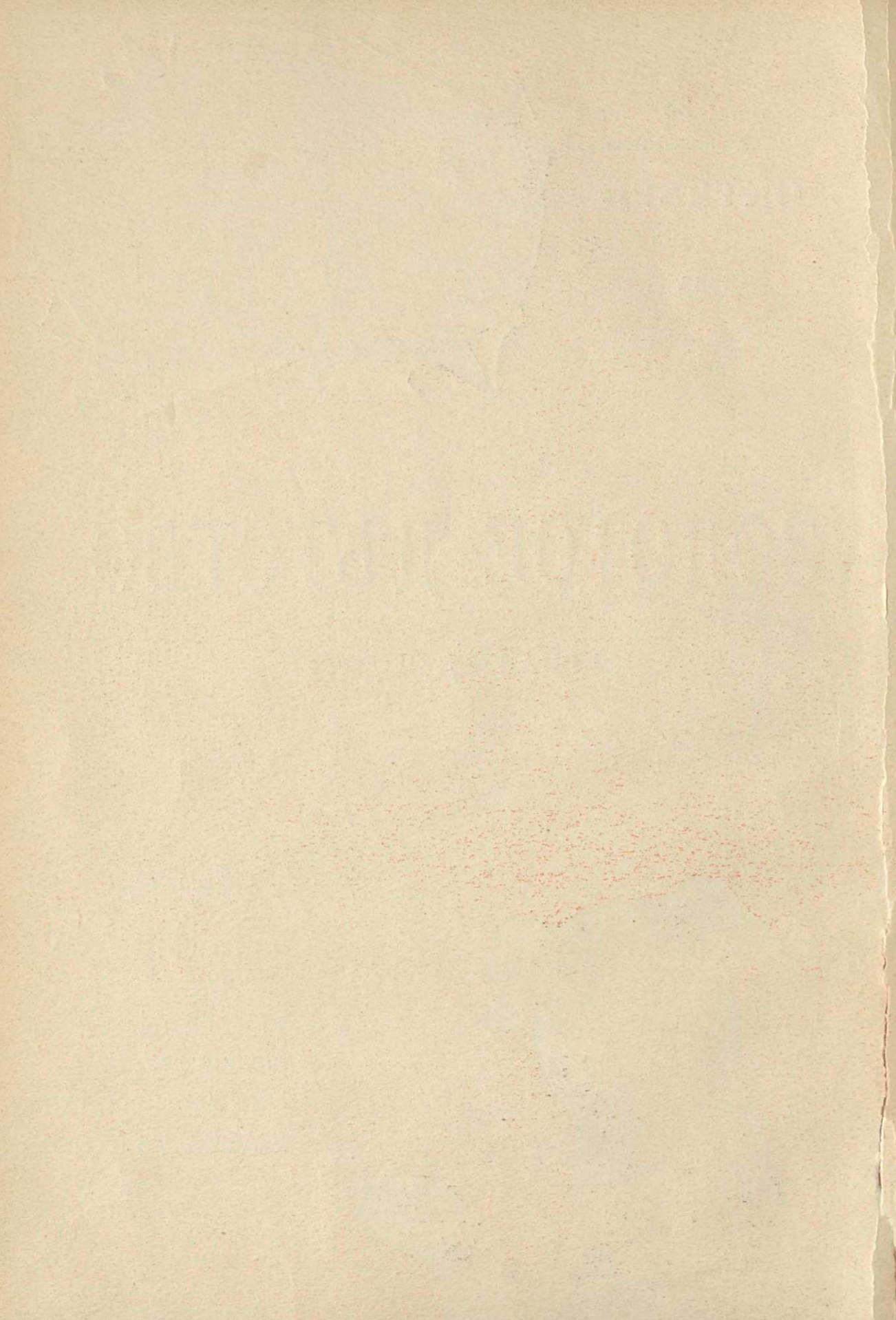
О ПУТЕШЕСТВІЯХЪ У
ЖИВОТНЫХЪ.
ВЪ СЛЯКОТЬ.
ЛУЧШІЙ ДРУГЪ.
УЖЪ РАМЫ ВСТАВИЛИ.
ПОДКИДЫШЪ (повѣсть).

ПРИЛОЖЕНІЯ:

«Въ дѣтской» — статьи для родителей по уходу за здоровымъ и больнымъ ребенкомъ (листъ 8-й).

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

О ПУТЕШЕСТВІЯХЪ У ЖИВОТНЫХЪ.

Наступила осень, потянулись дождливые дни и уже не слышно въ деревьяхъ веселаго пѣнія птицъ и ихъ крики—этихъ двухъ вѣстниковъ того, что кончилась уже зима и должны наступить ласковые вѣшніе дни. Куда-

Разговариваютъ они всѣ сразу, въ одинъ голосъ...

радостнаго щебетанія при восходѣ и заходѣ солнца. Бывало ранней весной, едва только лѣса одѣнутся листвою, какъ уже раздаются милые крики кукушки и щебетанье ласточ-

же онѣ дѣлись сейчасъ? Почему ихъ не стало видно и слышно?

Очень просто: онѣ улетѣли. Какъ незамѣтно, ночью, онѣ прилетѣли къ намъ весной, такъ-же незамѣтно, и

тоже ночью, онѣ улетѣли отъ насъ теперь въ теплые края. Разница только въ томъ, что сперва прилетаетъ ласточка, а потомъ ужъ кукушка, а улетаетъ раньше кукушка, а затѣмъ ужъ и ласточка.

Откуда-же онѣ прилетаютъ и куда улетаютъ на зиму?

Намъ извѣстно, что прилетая къ намъ весной, птицы выютъ у насъ гнѣзда и выводятъ птенцовъ. Эти птицы тоже родились у насъ, слѣдовательно и для нихъ самихъ и для ихъ дѣтей наша страна—такая-же родина, какъ и для насъ. Отсюда слѣдуетъ, что осенью птицы улетаютъ не домой, а лишь въ гости или для путешествія, какъ многіе изъ насъ уѣзжаютъ на зиму за границу, чтобы спастись отъ зимнихъ холодовъ.

Возьмемъ для примѣра ласточку. Эта птичка въ лѣтніе мѣсяцы встрѣчается по всей Европѣ. Ее можно встрѣтить и въ Финляндіи, и въ Малороссіи, но чуть только начнетъ приближаться осень, какъ она уже начинаетъ спускаться къ югу и притомъ въ самомъ кратчайшемъ направленіи. Отлетая, ласточки собираются въ цѣлыя стаи, долго о чемъ-то переговариваются между собою, щебечутъ, точно обсуждаютъ всю тяжесть предстоящаго имъ пути, и затѣмъ вдругъ, какъ-то незамѣтно, въ глухую темную ночь исчезаютъ. Ласточки, живущія въ Англии, перелетаютъ во Францію, затѣмъ въ Испанію и черезъ Гибралтарскій проливъ — въ

Африку, затѣмъ долго летятъ надъ Африкой и опускаются на ея Западномъ берегу, гдѣ и проводятъ всю зиму. Ласточки-же, живущія въ Центральной Европѣ и у насъ, летятъ прямо къ югу, перелетаютъ черезъ Черное и Средиземное моря, затѣмъ черезъ всю Африку и опускаются на островъ Мадагаскаръ, въ Капской колоніи и въ Трансвааль, гдѣ не такъ давно была бурская война.

Подобно ласточкамъ совершаютъ перелетъ и многія другія птицы и тому, кто живетъ постоянно въ деревнѣ, часто приходится передъ осенью видѣть громадныя ихъ полчища, иногда въ нѣсколько тысячъ штукъ. Всѣ онѣ сидятъ обыкновенно прямо на землѣ, гогочутъ, разговариваютъ между собою и затѣмъ цѣлымъ облакомъ взлетаютъ на воздухъ, какъ только замѣтятъ человека. Разговариваютъ онѣ всѣ сразу, въ одинъ голосъ, откинувъ назадъ головы къ хвостамъ, и поднимаютъ иногда такой гамъ, что можно удивляться, какъ это онѣ могутъ понять другъ дружку.

Несомнѣнно, что птицы улетаютъ отъ насъ, чтобы избѣжать сѣраго неба и раннихъ холодовъ. Но на пути ихъ ожидаетъ столько опасностей, столько ихъ погибаетъ во время прелета въ теплые края, что становится даже удивительнымъ, какъ онѣ рѣшаются покидать родныя мѣста. Такъ, маленькія птички десятками тысячъ падаютъ отъ усталости прямо въ море и тамъ находятъ свой ко-

нецъ, масса ихъ попадаетъ въ руки къ человѣку, этому самому жестокому изъ всѣхъ живыхъ существъ, который безпощадно истребляетъ эти маленькія беззащитныя созданія для того, чтобы вкусно покушать или-же просто для того, чтобы украсить ихъ крылышками дамскія шляпки.

Но самое удивительное въ этомъ переселеніи птицъ не то, что онѣ улетаютъ такъ далеко, а то, какъ онѣ могутъ отыскивать себѣ дорогу? Какъ онѣ не заблудятся? Годъ отъ году та же самая пара ласточекъ возвращается на то же самое мѣсто, гдѣ она родилась, и подъ ту самую крышу, гдѣ было у нея гнѣздо въ прошломъ году. Годъ отъ году она возвращается на зиму въ то самое мѣсто, гдѣ зимовала и въ прошломъ году. Какъ-же она можетъ это дѣлать? Пролетая чуть не черезъ весь земной шаръ, какъ она можетъ не заблудиться? И это тѣмъ болѣе удивительно, что молодыя ласточки летятъ всегда отдѣльно отъ старыхъ, и никогда не бывавъ въ Южной Африкѣ, все-таки находятъ туда дорогу. И почему старыя ласточки всегда улетаютъ впередъ за нѣсколько дней раньше, и вслѣдъ за ними уже летятъ ласточки молодыя, но на разстояніи не менѣе двухъ или трехъ тысячъ верстъ? Не посылаютъ ли старыя ласточки молодымъ воздушныхъ телеграммъ? Вѣдь посылаютъ-же теперь прямо по воздуху телеграммы люди! Да, это очень удивительно. Птички, ни разу въ жизни

не совершавшія еще перелета, и не знающія воздушныхъ путей и вдругъ находятъ дорогу въ ту страну, въ которой онѣ еще ни разу не бывали! Это ихъ тайна и о ней мы не знаемъ ничего.

Но то, что переселяются съ мѣста на мѣсто птицы, еще понятно, потому что онѣ обладаютъ способностью летать. Захотѣлъ, снялся съ мѣста и—перелетѣлъ. Однако оказывается, что переселяются не одни только птицы, но и другія животныя, хотя и не имѣютъ вовсе крыльевъ. Но въ то время, какъ птицы переселяются каждый годъ передъ наступленіемъ весны или осени, всѣ другія животныя переселяются не каждый годъ, а только разъ или два во всю свою жизнь, по мѣрѣ необходимости. При этомъ, переселившись въ какое-нибудь мѣсто, они уже не возвращаются больше на прежнее мѣсто, гдѣ родились, какъ это дѣлаютъ птицы. Такъ, не рѣдки случаи, когда крысы цѣлыми полчищами переселялись на тѣ мѣста, которыхъ онѣ даже вовсе и не знали. Одинъ почтенный москвичъ г. Киселевъ, нынѣ уже покойный, рассказывалъ, что будучи молодымъ, онъ какъ-то шелъ ночью изъ гостей домой. Проходя по Зубовскому бульвару, онъ вдругъ услышалъ какой-то странный шорохъ и пискъ. Шорохъ этотъ становился все сильнѣе и слышнѣе и вдругъ къ удивленію своему и страху г. Киселевъ увидаль темную массу бураго мѣха, которая ползла отъ Провіантскихъ

складовъ по направленію къ Крымскому мосту черезъ Москву-рѣку. Оправившись отъ страха, г. Киселевъ приглядѣлся къ ней и увидаль въ ней сотни тысячъ крысъ, которыя куда-то переселялись. Не тронувъ

Пеструшки въ пути.

никого, крысы скоро скрылись за угломъ Лицея и потерялись въ ночной темнотѣ въ одномъ изъ огородовъ, прилегавшихъ къ Москвѣ-рѣкѣ. Случай этотъ не единственный и о такихъ-же массовыхъ переселеніяхъ

крысъ рассказывали въ былое время московскіе мясники. Точно такъ-же цѣлыми полчищами переселяются и куницы, разыскивая себѣ новыхъ жилищъ. Но любопытнѣе всѣхъ другихъ видовъ переселяются пеструшки; это маленькіе звѣрки, очень похожіе на мышей, но только съ очень короткими хвостами, и водятся они въ Швеціи и Норвегіи. Чтобы встрѣтить хоть одну изъ нихъ, необходимо большое умѣнье, такъ какъ онѣ очень легко скрываются отъ людей и очень осторожны. Но проходятъ два или три года и пеструшки вдругъ убѣждаются, что ими съѣдено уже все, чѣмъ они питаются, и что необходимо отправиться на новыя мѣста, иначе онѣ умрутъ всѣ съ голоду. И вотъ, точно по щучьему велѣнью, всѣ онѣ громадной массой вдругъ вышолзаютъ одновременно изъ своихъ норъ на поверхность земли въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ и начинаютъ двигаться всѣ въ одномъ направленіи, къ какому-нибудь одному мѣсту, точно сговорившись. Глядя на нихъ въ такія минуты, можно подумать, что это цѣлая армія, которая не останавливается ни передъ чѣмъ. Если случится по дорогѣ заборъ, то онѣ перелѣзаютъ черезъ него, если попадется по пути рѣка, то онѣ переплываютъ ее и даже цѣлыя озера въ нѣсколько верстъ ширины не смущаютъ ихъ: онѣ переплываютъ и черезъ нихъ. Онѣ пожираютъ все, что только находятъ изъ съѣстного на своемъ пути, такъ что позади нихъ

остаётся голая пустыня. Слѣдомъ за ними идутъ цѣлыя толпы животныхъ, которыя ихъ пожираютъ— медвѣди, волки, лисицы, дикія кошки и даже летятъ ястребы и совы. Точно предчувствуя, что пеструшки могутъ оставить безъ корма многихъ животныхъ, ихъ преслѣдуютъ и домашній скотъ и олени, поражая ихъ своими копытами, а куры ихъ прямо клюютъ, тогда какъ самъ человѣкъ питаетъ къ нимъ отвращеніе и не принимаетъ ихъ въ пищу. Такъ они идутъ до тѣхъ поръ, пока ихъ жалкій остатокъ не достигаетъ наконецъ моря. Но и оно не устрашаетъ ихъ. Побуждаемая какимъ-то страннымъ инстинктомъ, пеструшки бросаются въ него съ твердымъ намѣреніемъ найти себѣ новое жилище гдѣ-нибудь на его островахъ, но увы!—голодные волны тотчасъ-же покрываютъ ихъ и онѣ массаи погибаютъ, находя свой конецъ въ неизвѣданной глубинѣ моря.

Такого рода путешествія бываютъ только время отъ времени и совершенно не зависятъ отъ сезона. Тогда какъ птицы совершаютъ свои путешествія только весной и осенью, и притомъ совершенно аккуратно, изъ года въ годъ, пеструшки совершаютъ ихъ только по мѣрѣ надобности. То же мы видимъ и у антилопъ и зебръ, которыя населяютъ самыя жаркія мѣста Африки. Онѣ совершаютъ свои путешествія только тогда, когда пересохнетъ вся вода на ихъ пастбищахъ и жажда начинаетъ ихъ гнать

въ другія страны, гдѣ не изсякла еще вода.

Совершенно иначе совершаютъ свои переселенія сѣверные олени. И въ Америкѣ, и въ Европѣ они переселяются аккуратно весной и осенью каждаго года. Осенью они тянутся на югъ, чтобы избѣжать зимней полярной стужи, а весной опять тя-

Лососи приходится бороться съ водопадами.

нутъ на сѣверъ, чтобы избѣжать жары, которой они не выносятъ.

Киты и тюлени — тоже большіе любители путешествовать. Они очень любятъ плоскія, открытыя мѣста, такъ какъ имъ на нихъ удобнѣе

всего выводитъ своихъ дѣтенышей, и потому каждый годъ, побродивши довольно по сѣверу земного шара, они аккуратно возвращаются на эти мѣста. И какъ только ихъ дѣти вырастаютъ настолько, что могутъ уже слѣдовать за своими родителями, они тотчасъ-же пускаются съ ними въ дальній путь, за нѣсколько тысячъ верстъ отъ насиженаго гнѣзда. Наплававшись вдоволь, побывавъ и въ Великомъ Океанѣ и въ Атлантическомъ, они аккуратно, день въ день, какъ и въ прошломъ году, возвращаются къ себѣ домой.

Также и рыбы любятъ путешествія. Самымъ большимъ любителемъ этого удовольствія считается среди нихъ лосось. Каждый годъ эта рыба обязательно возвращается, гдѣ-бы ни была, въ то самое озеро, въ ту самую рѣчку, въ тотъ самый ручей, въ которомъ она метала свою икру въ послѣдній разъ. И чтобы добраться до нихъ, она часто бываетъ принуждена преодолевать такія препятствія, которыхъ не осилилъ бы на ея мѣстѣ и человѣкъ. Достаточно того, что ей приходится бороться съ водопадами, срывающимися со скаль почти отвѣсно, и вспрыгивать съ камня на камень на значительную вышину. Иногда ей бываетъ необходимо вспрыгнуть такъ высоко, что она не можетъ этого слѣлать въ одинъ приѣмъ и такъ устаетъ, что почти безъ чувствъ долгое время лежитъ на берегу, прямо на воздухѣ, и отдыхаетъ. Отдохнувши, она снова

принимается за прыжки и не успокаивается до тѣхъ поръ, пока не осилитъ наконецъ препятствія и не получитъ возможность продолжать свое путешествіе далѣе. Точно также и рыбы осетровой породы, въ особенности стерлядь и осетръ, каждую весну, едва только сойдетъ ледъ, отправляются въ далекое путешествіе изъ моря вдоль по рѣкамъ и заходятъ на такое далекое разстояніе отъ своего жилища, что часто не въ состояніи бываютъ вѣремя возвратиться назадъ и попадаютъ въ сѣти къ человѣку. Въ рѣкахъ они мечутъ икру, но на то-же ли мѣсто, на какомъ метали ее и въ прошломъ году,—пока неизвѣстно.

Но извѣстно-ли вамъ, что совершаютъ путешествіе и бабочки? А между тѣмъ онѣ отлетаютъ на далекія пространства отъ своей родины, иногда на сотни верстъ, но почему именно онѣ улетають, а не остаются на родинѣ, сказать трудно. Вѣроятно, этому причиной бываетъ пере мѣна температуры, такъ что онѣ должны бывать искать новыхъ мѣстъ, гдѣ теплѣе, но назадъ онѣ уже больше не возвращаются и кладутъ яички уже въ новыхъ мѣстахъ. Пароходы, пересѣкающіе Великій Океанъ, встрѣчаютъ иногда на своемъ пути мѣряды бабочекъ, летящихъ неизвѣстно куда, но несомнѣнно, что одною изъ станцій на пути движенія бабочекъ служитъ островъ Цейлонъ, такъ какъ нигдѣ въ свѣтѣ нѣтъ столько насѣкомыхъ, какъ тамъ, и почти всѣ

изъ нихъ родились не на островѣ Цейлонѣ, а гдѣ-то въ другихъ мѣстахъ. Переселяющіяся такимъ образомъ насѣкомья образуютъ иногда собою такія полчища, что бываютъ похожи на тучу, отъ которой меркнетъ день, и эта туча тянется надъ даннымъ мѣстомъ иногда цѣлые двое сутокъ и все не бываетъ ей конца. А полчища саранчи, совершающей свои путешествія, бываютъ такъ густы и такъ непроницаемы, что днемъ становится темно, какъ ночью, и когда саранча осѣдаетъ на землю, то ее сгребаютъ лопатами, какъ соръ. Опустошенія, производимыя ею во время такихъ путешествій, бываютъ настолько серьезны, что отъ посѣянныхъ хлѣбовъ не остается и слѣда

и страна становится нищей. И чтобы удержать ее отъ дальнѣйшихъ движеній и не дать ей возможности положить свои яички по пути, передъ нею зажигаютъ хлѣбныя поля, камыши и лѣса и только громаднымъ пожаромъ препятствуютъ дальнѣйшему ея движенію. Когда-же она опустится на землю и начнетъ совершать свое путешествіе уже пѣшкомъ, то тысячи людей берутся за лопаты и спѣшатъ скорѣе выкопать громадную канаву, въ которую уже затѣмъ падаетъ саранча миллиардами экземпляровъ и давитъ другъ друга. Это—одно изъ тѣхъ тяжелыхъ бѣдствій, о которыхъ можно только писать и говорить, но которыя не дай Богъ пережить. **С. Вершининъ.**

ВЪ СЛЯКОТЬ.

Стоять двѣ тощенькія клячи,
Ихъ гривы войлокомъ сплелись,
Льетъ ливмя дождь и ѣхать съ дачи,
На нихъ мы въ городъ собрались.

Узлы, корзиночки, картонки
Изъ дома стали выносить
И кучеръ—робкій мужиченко
Не знаетъ, какъ ихъ размѣстить.

Но вотъ уложено все... Сами
Гурьбой мы лѣземъ въ тарантасъ,
И ищемъ мѣстъ между узлами...
Но мать разсаживаетъ насъ

И все старается подробно
Припомнить, что съ собой везетъ,

А намъ ужасно неудобно
И что-то больно ноги жметъ.

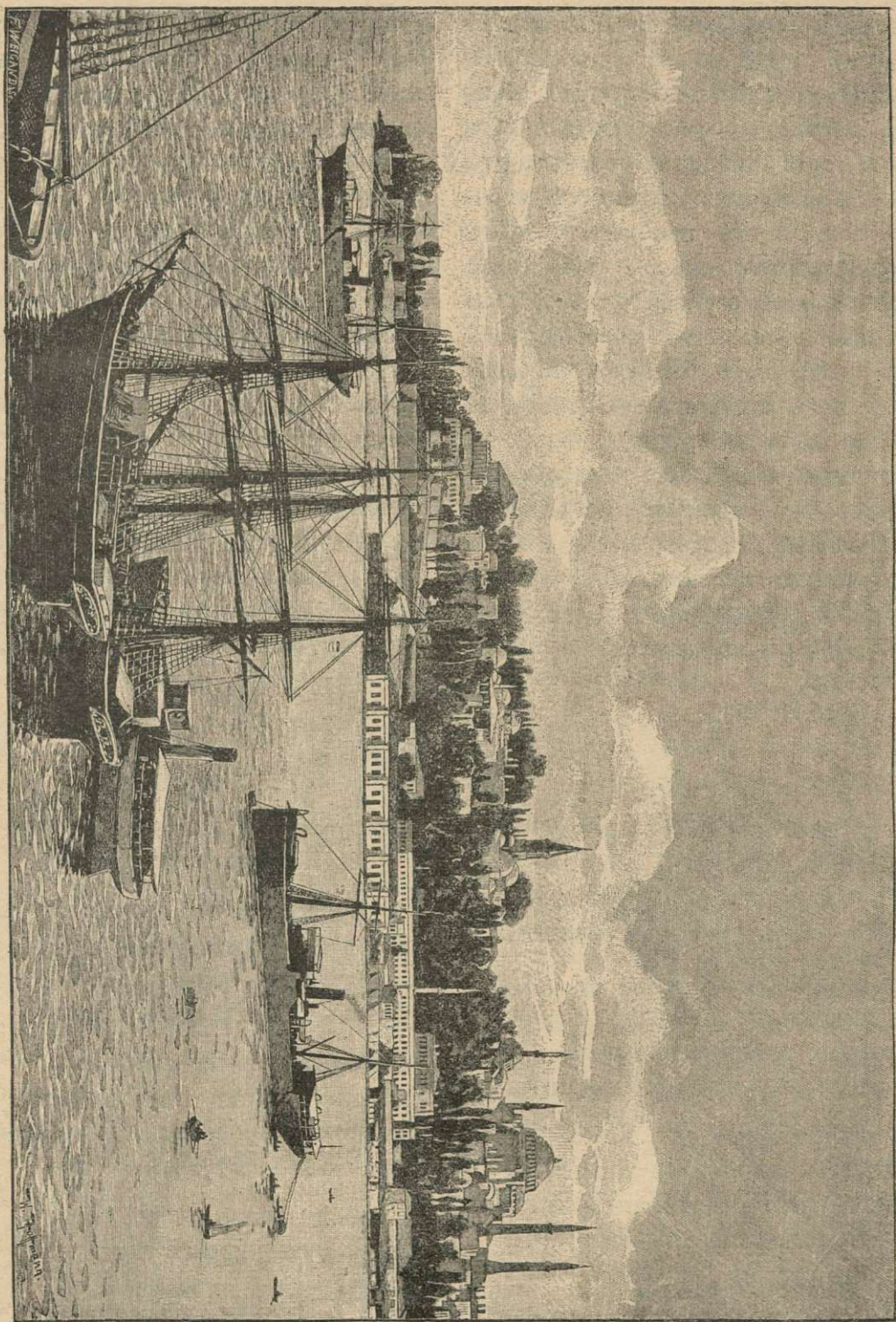
— «Ну, съ Богомъ! Трогай! Въ путь—
Сказала мать, перекрестясь. [дорогу!]
Нашъ кучеръ дергаетъ и въ ногу
Ступаютъ лошаденки въ грязь.

А грязь становится все жиже
И дождикъ льетъ, какъ изъ ведра,
Но съ каждымъ шагомъ городъ ближе,
А тамъ онъ—лей хоть до утра!

Прощай-же рѣчка, дача, горы!
Прощай и ты, прекрасный лѣсъ!
И мы бросаемъ наши взоры
Туда, гдѣ домикъ нашъ исчезъ.

Ирисъ.

Константинополь.

Жил был один живописец, который отлично рисовал вывески для мясных лавок и для трактиров. Однажды пришел к нему содержатель колбасной лавки и заказал ему вывеску, на которой должны были быть изображены супник, колбаса и жареная курица.

Живописец тотчас же купил себе супник, колбасу и жареную курицу, чтобы нарисовать с них вывеску, и разложил их на стол, а сам вышел. В его отсутствие к нему в мастерскую вошел вор, который был очень мал ростом, и не долго думая, залез в супник.

Тем временем живописец принялся за работу, а вор потихоньку стащил сначала колбасу, а затем и курицу и спрятал их к себе в супник.

— «Что за диковина?» подумал живописец. — «Куда же двались курица и колбаса?» Но в это время и сам супник спрыгнул со стола и со всей ногой пустился бжать по лестнице на улицу. — Караул! Спасите! крикнул живописец и тоже в ужасе бросился бжать вниз. — У меня горшок оказался с ногами!

ЛУЧШИЙ ДРУГЪ.

Изъ всѣхъ друзей моего далекаго дѣтства чаще всего я вспоминаю нашу обезьяну. Она принадлежала къ породѣ сапажу и звали ее Моко. Въ то время я былъ совсѣмъ, совсѣмъ еще маленькимъ, лѣтъ пяти или шести, и такъ какъ Моко былъ со мною одного роста, то, глядя на меня, онъ смѣло могъ думать, что мы принадлежимъ къ одной и той же породѣ. Мы очень любили другъ друга.

Въ продолженіи дня Моко находился на лѣстницѣ, все время верхомъ на узорчатомъ перилѣ, къ которому прикрѣплялась тонкая цѣпочка, обхватывавшая его тщедушную фигурку. Съ этого наблюдательнаго поста онъ слѣдилъ за всѣми поднимающимися и сходящими по лѣстницѣ и первый привѣтствовалъ нашихъ гостей. Забавная обезьяна обладала необыкновенной способностью отгадывать, кто изъ нихъ намъ симпатиченъ и кто непріятенъ. Первымъ она спѣшила протягивать лапу, а вторыхъ встрѣчала гримасой. Иногда даже она срывала съ ихъ головы шляпу. Обиженный проходилъ обыкновенно ворча себѣ подъ носъ, а Моко довольный посмѣивался, почесывая себѣ бока.

Три или четыре раза въ недѣлю продавщицы овощей и фруктовъ раскладывали свои товары на тротуарахъ нашей улицы. Случалось иногда,

что какъ разъ въ эти дни Моко срывался съ цѣпочки и убѣгалъ.

Больше всего на свѣтѣ онъ любилъ томаты; одинъ ихъ видъ производилъ на него такое впечатлѣніе, что если бы они были отданы даже подъ защиту суровыхъ жандармовъ, то и тогда онъ былъ бы не въ силахъ противиться непреодолимому желанію стащить хоть одинъ. Два, три прыжка и онъ былъ уже около цѣлыхъ грудъ красныхъ, блистающихъ на солнцѣ томатовъ. Но продавщицы стояли насторожѣ. Завидѣвъ Моко, онѣ поднимали громкій крикъ, размахивали руками и угрожали ему метлами. Тогда онъ принимался прыгать, скакать и увертываться отъ побоевъ, разбрасывая кочны капусты, и вдругъ, схвативъ у нихъ томаты, побѣдоносно убѣгалъ съ ними къ себѣ домой. Вы думаете, что онъ воровалъ томаты для того, чтобы ихъ ѣсть? Нисколько. Это онъ дѣлалъ только изъ любви къ искусству. Возбужденный и преслѣдуемый яростными криками торговокъ, Моко храбро вскакивалъ на тумбу, размахивалъ торжествующе передними лапами и вдругъ, черезъ всю улицу и черезъ головы своихъ враговъ, со всей силой своихъ маленькихъ кулачковъ бросалъ томаты объ стѣну сосѣдняго дома. Они расплющивались о камни, оставляя слѣды въ видѣ звѣздъ, лучи которыхъ вызы-

вали у Моко истинное восхищеніе. За нимъ бросались въ погоню, но едва только преслѣдователи достигали тумбы, какъ онъ уже по желобу взбирался на крышу ближайшаго дома и посылалъ имъ оттуда презабавныя гримасы. Такія сцены разыгрывались три или четыре раза въ недѣлю.

Въ нашей повседневной жизни былъ часъ, когда жадность Моко обнаруживалась во всей ея неприглядной красотѣ. Въ нашемъ домѣ проживала цѣлая кучка родственниковъ школьнаго возраста, которые шалили самымъ невозможнымъ образомъ. Всѣ мы были поручены надзору одной старой дамы, которой, конечно, немало хлопотъ было съ нами: она осыпала насъ безъ конца упреками, но по добротѣ своей не могла устоять противъ нашихъ ласкъ и въ часъ завтрака раздавала намъ превкусныя тартинки.

Получивъ ломтики хлѣба, помазанные вареньемъ, мы шумно спускались внизъ на дворъ, предназначенный для нашихъ продѣлокъ. Какъ самый маленькій, я ковылялъ послѣднимъ: мои товарищи нарочно бѣжали скорѣе, чтобы оставить меня одного.

Этого только и ждалъ Моко. Видъ его былъ настолько добродушенъ, онъ такъ спокойно сидѣлъ на лѣстницѣ, глубоко погруженный въ свои думы, что у меня и не зарождалось ни малѣйшаго недовѣрія къ нему. Но едва только подходилъ я къ удобному для него мѣсту, какъ онъ

сбрасывалъ съ себя маску благонавія, одной лапой схватывалъ меня за воротъ, а другой всячески старался вырвать изъ моихъ рукъ тартинку. Можетъ быть въ его обезьяньемъ умѣ и зарождалась мысль о томъ, что его несправедливо обошли во время общей раздачи? Конечно, я сопротивлялся, а онъ упорно добивался своего. Я кричалъ изо всѣхъ силъ, но своимъ нелѣпымъ крикомъ Моко легко заглушалъ меня. Товарищи толпились не вдалекѣ и хохотали во все горло. Если отчаяніе дѣлало меня упорнымъ, то жадность значительно увеличивала силы Моко. Онъ даже прибѣгалъ къ царапанью и къ колотушкамъ, которыя градомъ сыпались на мою бѣдную голову. Усталый въ борьбѣ и избитый, я постоянно кончалъ тѣмъ, что уступалъ ему тартинку. Онъ быстро ее схватывалъ, взлѣзалъ на перила, выражая свою радость короткими вскрикиваніями и сморщиваніемъ своей мордочки, и уплеталъ мою тартинку, а я садился на ступеньку и заливался горькими слезами.

Но Моко былъ такъ забавенъ и остроуменъ, онъ съ такими проказами принималъ участіе въ нашихъ играхъ, что черезъ часъ я уже прощалъ ему все и не могъ на него болѣе сердиться.

На другой день повторялось то же самое.

Между всѣми играми, которыя обращали нашъ домъ въ настоящій адъ для сосѣдей и въ истинный рай

для дѣтвора, наибольшей любовью пользовалась игра въ войну. Наша армія состояла изъ значительнаго числа оловянныхъ солдатиковъ и сильной артиллеріи, въ составъ которой входили пушки различной величины. Мы разставляли полки въ боевой порядокъ, по національностямъ. Гусары, гренадеры, драгуны, генералы, со шпагами въ рукахъ, двигались одни на другихъ между крѣпостями, сооруженными изъ учебниковъ и тетрадей.

И Моко постоянно присутствовалъ во время этихъ маленькихъ войнъ и получалъ огромное наслажденіе. Иногда онъ помогалъ намъ даже вынимать изъ ящичковъ солдатъ и разставлять ихъ въ боевой порядокъ, но при каждомъ выстрѣлѣ изъ пистолетиковъ онъ высоко подскакивалъ съ мѣста и обращался въ позорное бѣгство.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ снова возвращался, такъ какъ любопытство его брало верхъ надъ страхомъ; къ тому же онъ и искренно былъ убѣжденъ, что безъ него мы никогда не могли бы играть, какъ слѣдуетъ.

Однажды одному изъ насъ пришла фантазія надѣть на него шляпу съ перомъ и перепоясать его ремнемъ, на которомъ болталась желѣзная сабля. Моко, очень тщеславный по натурѣ, былъ отъ этого въ восторгѣ. Мы провели его по фронту нашихъ армій.

Моко, который обладалъ, какъ и всѣ обезьяны, талантомъ подражанія,

ни минуты не колебался. Онъ схватилъ пистолетикъ, приблизилъ его къ мордѣ и спустилъ курокъ.

Раздался выстрѣлъ. Совершенно забывъ свое званіе военначальника и то, что ему надлежитъ служить примѣромъ для солдатъ, Моко испустилъ вдругъ неистовый крикъ и обратился въ самое постыдное бѣгство, оставивъ шляпу на полѣ битвы и, среди оглушительнаго хохота присутствующихъ, исчезъ, таща за собою саблю, которая танцевала между его ногъ, еще болѣе увеличивая его безумный ужасъ.

Съ этихъ поръ онъ уже болѣе не отваживался брать на себя роли полководца.

Моко кончилъ такъ, какъ кончаютъ у насъ обыкновенно всѣ обезьяны.

Однажды утромъ, послѣ одной изъ своихъ любимыхъ продѣлокъ съ томатами, онъ по обыкновенію взобрался на сосѣднюю крышу. Стояла осень. При сильномъ дождѣ дулъ холодный вѣтеръ и Моко простудился. Онъ вернулся домой съ глухимъ кашлемъ: у него оказалось воспаленіе легкихъ. Онъ сталъ печальнымъ, похудѣлъ и въ самое короткое время утратилъ свой аппетитъ и веселость. Мои тартинки его уже болѣе не соблазняли. Завидѣвъ меня, онъ прыгалъ ко мнѣ на колѣни и, свернувшись калачикомъ, старался какъ-нибудь согрѣться. Я приносилъ ему варенья, молока и всего, что могъ добыть въ буфетѣ и на кухнѣ. Но едва на-

ступаль вечеръ, какъ онъ уже шелъ печально за мною въ спальню и забивался подъ одѣяло въ ногахъ моей постели. Его частый стонъ и кашель вызывали слезы на моихъ глазахъ и я старался его ласкать и утѣшалъ его.

Однажды, проснувшись, я увидѣлъ его неподвижнымъ. Поднявъ одѣяло, я увидѣлъ, что бѣдная обезьянка окоченѣла и была холодна, какъ ледъ.

— Моко умеръ! закричалъ я въ ужасъ.—Моко околѣлъ!

И слезы градомъ полились у меня по щекамъ.

Сбѣжались домашніе, засуетились около обезьяны, и скоро вошелъ дворникъ, взялъ бѣднаго Моко за заднія ноги и за хвостъ и куда-то его унесъ.

И однимъ другомъ стало у меня меньше.

С. Магиль.

(по А. Ашару).

— Какъ вамъ не стыдно, г. жирафъ, что у васъ такая длинная шея?

— Миѣ было-бы гораздо стыднѣе, г. слонъ, если-бы при такой длинной шеѣ, да я имѣлъ-бы еще и такой длинный носъ, какъ у васъ!

УЖЪ РАМЫ ВСТАВИЛИ...

Ужъ рамы вставили и вязкой
По всѣмъ щелямъ, со всѣхъ сторонъ,
Мы ихъ обмазали замазкой,
И сразу смолкъ на церкви звонъ.

Всѣ звуки какъ-то вдругъ застыли,
И стало тихо такъ у насъ,
Какъ будто мы сидимъ въ бутылѣ
Какъ будто вдругъ нашъ слухъ
погасъ.

Вотъ привели къ намъ обезьянку,
Цыганъ зашелъ съ ней къ намъ на
дворъ,
Но ужъ не слышно къ намъ шарманку
Не слышенъ къ намъ и разговоръ.

И такъ пробудемъ мы въ бутылѣ
До самой радостной весны.
Приди-жь, весна! Мы приуныли.
Навей на насъ золотые сны!

Кузнечикъ.

ПОДКИДЫШЪ.

Романъ Мэргіе.

(Продолженіе).

По всему Ленеvenu были расклеены афиши о послѣднемъ представленіи труппы Антоніо. Давали на прощаніе опять ту-же самую пьесу, что и для начала, а именно «Сиротку съ моста Богоматери», и зрителей собралось порядочно.

И все время Антоніо подбодрялъ Альфреда быть наготовѣ, чтобы отправиться въ полночь въ замокъ. И въ то время, когда на сценѣ разыгрывалась эта драма, служившая введеніемъ къ драмѣ, которая должна была разыгратъ въ полночь въ замкѣ, Томъ Керуэль, закинувъ за спину ружье, едва только спустились сумерки, отправился въ замокъ Фелье. Чтобы успокоить Марію-Жанну, онъ

сказалъ ей, что отправляется вмѣстѣ съ сосѣдями на охоту и только одинъ Ноэль знаетъ истинную правду. Онъ стойко хранилъ тайну. Онъ отлично понималъ, что малѣйшая болтливость съ его стороны могла повлечь за собою непоправимыя несчастія.

Прійдя въ замокъ, Томъ нашель тамъ всю прислугу уже вооруженною съ головы до ногъ.

— Ну, съ этакой арміей никакой врагъ не опасенъ, сказалъ онъ смѣясь,—въ особенности, когда ворамъ придется связывать руки!

Затѣмъ пришелъ бригадиръ съ жандармомъ и сталъ дѣлать разныя распоряженія.

Очень обезпокоенная вначалѣ сообщеніемъ Тома и бригадира, г-жа Ледюкъ была теперь вполнѣ покойна, хотя время отъ времени и поводила плечами отъ дрожи при одной только мысли о томъ, что если-бы не было Ноэля, то ей пришлось-бы проститься съ Шарлоттой навсегда.

— Вы не обижайтесь на меня, г. Керуэль, — обратилась она къ Тому, — но вашего Ноэля я люблю, какъ родного сына. Для васъ онъ только племянникъ, для меня-же — какъ сынъ. Пока я жива и даже послѣ моей смерти онъ будетъ обезпеченъ вполнѣ и получитъ образованіе на мой счетъ. Даю вамъ въ этомъ торжественное обѣщаніе.

Въ виду возможной непріятности, кухарка легла въ одной комнатѣ съ Фредерикомъ, Шарлоттой и няней и загородила дверь въ дѣтскую шкафами, столами и стульями. Въ сосѣдней комнатѣ помѣстилась горничная, чтобы въ случаѣ надобности поднять крикъ.

Въ первую минуту г-жа Ледюкъ хотѣла-было послать телеграмму къ мужу, но Томъ Керуэль положи-тельно ей это отсовѣтовалъ.

— Зачѣмъ? Для чего? сказалъ онъ. — Вѣдь это какъ громомъ поразить вашего мужа и заставить его предполагать Богъ знаетъ что. Если его присутствіе окажется необходимымъ, то мы успѣемъ его вызвать, но насъ и безъ него достаточно... Мы съумѣемъ справиться и сами!

— Надо зажечь повсюду огни, предложила тетя Гертруда, — освѣтить весь домъ, чтобы воры подумали, что мы не подозреваемъ ничего.

— Какая ошибка! воскликнулъ бригадиръ, поднявъ руки кверху. — Развѣ намъ нужно ихъ пугать? Да вѣдь освѣтивши всѣ свои окошки, вы заставите ихъ этимъ принимать мѣры съ своей стороны. Это было-бы неблагоприятно! Наоборотъ, заставьте ихъ думать, что всѣ въ замкѣ спятъ. Тогда они очертя голову попадутся къ намъ въ ловушку.

Вотъ почему, едва только пробило 11 часовъ, какъ весь замокъ Фелье погрузился въ непроницаемую тьму.

Но зато внутри его, за персидскими занавѣсками были спрятаны люди, которые могли видѣть все...

Пробило полночь.

У всѣхъ бились сердца. Это была торжественная минута.

Поставленный у окошечка въ конюшнѣ, чтобы лучше наблюдать, Жанъ замѣтилъ вдалекѣ что-то темное, которое медленно подвигалось впередъ.

Это были воры.

Онъ тотчасъ-же выскочилъ изъ своей засады и побѣжалъ въ замокъ.

— Они уже здѣсь!.. сказалъ онъ тихонько бригадиру. — Идутъ...

— Отлично!.. отвѣтилъ тотъ. — Добро пожаловать... Пусть каждый остается на своемъ мѣстѣ и ожидаетъ команды! Мы дадимъ имъ войти въ домъ и здѣсь отрѣжемъ имъ от-

Птички съ крылышками.

ступленіе. Чуть только они войдутъ, пусть бросятся на нихъ жандармъ и кучеръ и мы ихъ свяжемъ!

И самъ бригадиръ вмѣстѣ съ Томомъ Керуэлемъ спрятались за занавѣской.

А тѣмъ временемъ Антоніо велъ своихъ сообщниковъ прямо къ калиткѣ сада, которая не запиралась никогда.

— Дураки!.. сказалъ онъ съ усмѣшкой. — Даже не задвинули калитку на щеколду! Точно на свѣтѣ не бываетъ воровъ! Ну, да это намъ же на руку: теперь мы безпрепятственно доберемся до лѣстницы. Нагнитесь, чтобы васъ не было видно, и тихонько, какъ волки, пробирайтесь за мной! Вотъ сюда, сюда! Малѣйшій вашъ шорохъ можетъ испортить все дѣло!

И каждый держа въ рукѣ потайной фонарь, пробирался между кустовъ прямо къ парадному ходу. Старуха шла рядомъ съ Антоніо и освѣщала ему дорогу. У крыльца, она сунула ему въ руку отмычку.

Онъ отперъ дверь и тихонько вошелъ въ нее.

— Сюда, за мною... зашепталъ онъ. — Альфредъ, гдѣ ты? Фемія, затуши свой фонарь! Несгораемый шкафъ находится вотъ здѣсь, въ сосѣдней комнатѣ! Мы отопремъ его посредствомъ коловорота, а тѣмъ временемъ вы завязывайте всѣ эти дорогія вещи въ узлы!

И, закрывъ свой фонарь, Антоніо въ потьмахъ сталъ пробираться между мебелью къ несгораемому шкафу.

— Альфредъ! вдругъ снова зашепталъ Антоніо, — принеси мнѣ поскорѣ коловоротъ! Я позабылъ его у парадной двери!

— Сейчасъ! отвѣтилъ Альфредъ и повернулся обратно.

Но онъ окаменѣлъ отъ испуга.

Бригадиръ и Керуэль вышли изъ своей засады, бросились на него и схватили его и повалили его на полъ.

— Да поскорѣ! крикнулъ ему Антоніо. — Чего ты тамъ копаешься? Время проходитъ зря!

Пичка безъ крылышекъ.

Но едва только онъ произнесъ эти слова, какъ со всѣхъ сторонъ выскочили люди и окружили его.

Въ испугѣ, онъ сталъ оглядываться по сторонамъ.

— Попался!.. проговорилъ онъ, полный злобы и отчаянія, и при видѣ этой массы вооруженныхъ людей понялъ, что сопротивленіе было-бы невозможнымъ.

— Негодяй! крикнулъ ему Керуэль.— Такъ-то ты воспользовался оказанной тебѣ добротой!

Антоніо сверкнулъ на него глазами.

— Это все ты, Керуэль, заскрежеталъ онъ зубами,—и твой племянникъ Ноэль! Если-бы не вы, то я не попался-бы такъ глупо никогда! За это я отомщу вамъ такъ жестоко, что вы долго будете меня помнить и содрогнетесь отъ ужаса, который васъ ожидаетъ.

А затѣмъ, обратившись къ бригадиру, онъ сказалъ:

— Ну, что-же, почтеннѣйшій полицейскій? Какъ тебѣ нравится талантъ этой дѣвченки Аниты и что говоритъ законъ о работѣ малолѣтнихъ? Ахъ, ты старый лгунъ! Ну, что-жъ? Подходи ко мнѣ поближе и надѣвай мнѣ на руки кандалы!

А старуха Фемія въ это время рыдала.

— Простите меня, г. бригадиръ... причитала она.—Пощадите... Я ровно ничего не знала! Пощадите меня... Онъ заставилъ меня идти сюда насильно, приставивъ мнѣ револьверъ къ груди. Клянусь вамъ, что я ни-

чего не знала. Г-нъ бригадиръ, не сажайте меня въ тюрьму. Что будетъ безъ меня съ моей маленькой, горячо любимой Анитой? Моя дочь!.. Моя бѣдная дочь!.. Ты останешься одна!.. Не липайте-же ее ея любящей матери!

— Любящей матери! огрызнулся на нее Томъ Керуэль.—Хороша мать! Вѣдь этого ребенка вы украли!

— Украли?! ужаснулась старуха и схватила себя за волосы.—Да кто вамъ это сказалъ? Это моя самая родная дочь!

— Замолчать!!! крикнулъ на нее бригадиръ.

И, кликнувъ къ себѣ жандарма, онъ приказалъ ему надѣть ручные кандалы на всѣхъ этихъ трехъ негодяевъ.

— Тамъ ужъ судъ разберетъ!.. проворчалъ онъ.—А теперь—маршъ въ полицію!

И преступниковъ повели изъ замка въ паркъ. Впереди шелъ Томъ Керуэль и освѣщалъ дорогу. У самой калитки они увидѣли телѣгу, запряженную парою лошадей и приготовленную Антоніо на случай побѣга.

— Вотъ и отлично! воскликнулъ при видѣ ея бригадиръ.—Г-нъ Керуэль, садитесь на козлы и давайте свеземъ этихъ молодцовъ ко мнѣ въ полицію!

— Съ удовольствіемъ! отвѣтилъ Томъ.

Полчаса спустя, Антоніо, старуха Фемія и Альфредъ уже сидѣли за рѣшоткой и двери ихъ тюрьмы были

заперты такъ, что ихъ нельзя было бы отпереть никакой отмычкой.

Въ то-же время въ фургонъ былъ посланъ жандармъ. Онъ взялъ Аниту на руки и отнесъ ее къ женѣ бригадира, которая оказала ей тёплый пріемъ.

И стала Анита сиротой вдвойнѣ. Теперь у нея не было ни родителей, ни тѣхъ людей, которыхъ она считала за своихъ.

Когда увезли воровъ, схваченныхъ на мѣстѣ преступленія, то Жанъ отправился къ г-жѣ Ледюкъ, чтобы сообщить ей, что все обошлось благополучно.

— Ну, слава Богу! воскликнула тетя Гертруда.

Г-жа Ледюкъ. Что если-бы не Ноэль? Я какъ подумаю, что не будьего, то у насъ сейчасъ не было-бы Шарлотты и случилось бы много и другихъ несчастій! Я не знаю, какъ мнѣ благодарить судьбу, что она свела насъ съ этимъ честнымъ, благороднымъ мальчикомъ! Прямо и не придумаю, чѣмъ и какъ мнѣ его отблагодарить.

Тетя Гертруда. Жизнь еще впереди... Ты всегда успѣешь вѣремя оказать ему услугу!

Г-жа Ледюкъ. Ну, а какъ дѣти?

Тетя Гертруда. Да ничего, спятъ. Я полагаю, что всю эту исторію надо отъ нихъ скрыть. Они такъ впечатлительны!

Г-жа Ледюкъ. Ты права, Гертруда! Но, кажется, кухарка сама не своя отъ страха, надо-бы пойти ее успокоить.

Тетя Гертруда. Ты сама-то не очень храбрись. Кто знаетъ, быть можетъ воры еще вернутся!

Жанъ. Не беспокойтесь, сударыня! Они сейчасъ въ хорошихъ рукахъ! Не даромъ старуха хныкала и не хотѣла идти, такъ что ее силою пришлось втаскивать въ телѣгу!

Г-жа Ледюкъ. Въ какую телѣгу? Въ нашу?

Жанъ. Нѣтъ, сударыня... Въ ихнюю! Они вѣдь приготовили для себя и для наворованнаго имущества телѣгу! Во всякомъ случаѣ, для пущей безопасности, я заряджу ружье и не буду ложиться всю ночь. Не беспокойтесь.

И обѣ дамы спокойно легли спать.

Настало утро и солнце ласковыми лучами залило всю природу.

Актриса Виргинія, игравшая въ театрѣ у Антоніо роли горничныхъ и герцогинь и королевъ, судя по тому, что отъ нея требовалось, оканчивала укладку своего сундука, въ который помѣстила бѣлье, костюмы и парики, когда, весь запыхавшись, къ ней воѣжалъ актеръ Эрнестъ, игравшій дворниковъ и королей.

— Что случилось? спросила она его.— Отчего ты такой красный?

И тяжкое предчувствіе наполнило ее душу.

— Да то случилось, отвѣтилъ король-дворникъ Эрнестъ, — что нашъ Антоніо, старуха и дѣвчонка удрали, прихвативъ съ собою всѣ вырученныя деньги. Теперь мы голы, какъ соколы.

— А что Матвѣй?

Прійдя въ замокъ, Томъ нашель тамъ всю прислугу уже вооруженною съ головы до ногъ.

— Ругается!.. Клянется, что отомститъ Антонио за то, что онъ оставилъ насъ безъ копейки. Только-бы ему его встрѣтить!..

— Батюшки мои! воскликнула вдругъ-Виргинія и задрожала.

— Что съ тобой? спросилъ ее Эрнестъ.

— Да развѣ не видишь? Жандармы!..

Въ эту-же минуту къ нимъ вѣбжалъ и Матвѣй, весь красный отъ волненія.

— Нечего тутъ разговаривать! обратился онъ къ нимъ.—Если касса пуста, то это еще ничего: она всегда была пуста. Давайте-ка лучше примемся скорѣе за нашъ фургонъ и за декорации и обшаримъ ихъ, авось что-нибудь и найдемъ!.. Навѣрное, они деньги прятали!

Эрнестъ и Виргинія молчали.

— Да я говорю вамъ или нѣтъ?.. крикнулъ на нихъ Матвѣй.

Но онъ тутъ-же и понизилъ тонъ. Чья-то тяжелая рука опустилась ему на плечо и заставила его повернуть назадъ голову.

Это былъ бригадиръ.

— Именемъ закона, сказалъ онъ,— я васъ арестую!

— За что? съ пренебреженіемъ спросилъ Матвѣй.—Кто смѣетъ меня обвинять?

— Пожалуйста, умѣрьте тонъ! поговѣтовальъ ему жандармъ

— Но позвольте? продолжалъ Матвѣй.—Долженъ-же я знать, въ чемъ меня обвиняютъ?

— Ладно, ладно! Тамъ ужъ разберемъ! отвѣтилъ ему бригадиръ.— Ну, вы! Какъ васъ? Госпожа актриса и господинъ актеръ! Маршъ тоже въ полицію! Живо!

Виргинія и Эрнестъ не возразили ничего и молча послѣдовали за жандармомъ.

А между тѣмъ по всему Ленеvenu уже разнеслась вѣсть о томъ, что хотѣли ограбить замокъ Фелье. И когда на площади показалось вдругъ шествіе актеровъ и съ ними бригадира и жандарма, то раздался всеобщій ужасный крикъ:—

— Въ тюрьму ихъ! Такъ имъ и надо! Мы всегда честно жили и у насъ никогда не бывало кражъ! Злодѣи! Негодяи!

Виргинія ухватилась за рукавъ жандарма.

— За что они угрожаютъ намъ? спросила она.—Вѣдь мы имъ не сдѣлали ничего!

— Точно вы и не знаете... отвѣтилъ жандармъ.

— Чего? въ испугѣ спросила Виргинія.

— Да насчетъ кражи сегодняшней ночью!

— У кого?

— У г-жи Ледюкъ! Вашъ хозяинъ и старуха уже въ тюрьмѣ и васъ подозрѣваютъ въ томъ, что вы тоже имъ помогали. Въ темнотѣ было не разобрать, сколько васъ было. Можетъ быть только трое, а можетъ быть вы и всѣ. Докажите, что вы ни къ чему непричастны, и васъ тотчасъ-же отпустятъ на волю.

И дѣйствительно, ихъ допросили и скоро убѣдившись, что они не знали ничего, отпустили ихъ на волю. Но Матвѣй при этомъ такъ ругался и буйнилъ, что бригадиръ счелъ необходимымъ посадить его на сутки подъ арестъ. Но такъ какъ въ Леневиѣ кражъ и буйствъ никогда не бывало, то и не было вовсе тюрьмы. И когда поймали Антоніо, Альфреда и старуху, то въ первую минуту не знали, куда ихъ и сажать. Пришлось для этого освободить чуланчикъ при полицейскомъ управленіи, для чего женѣ бригадира нужно было переносить въ другое мѣсто мѣшки съ картофелемъ и банки варенья. Когда-же понадобилось сажать въ тюрьму и Матвѣя, то и его сунули въ тотъ-же самый чуланчикъ.

— Именемъ закона я васъ арестую!

Здѣсь Матвѣй долго шушукался съ Антоніо.

— Какъ тебя поймали? спросилъ его Матвѣй.

— Очень просто, отвѣтилъ ему Антоніо.—На меня донесли Томъ Керуэль и этотъ его куцый племянникъ Ноэль.

— Что-же, ты имъ отомстишь, когда выйдешь изъ тюрьмы?

— Едва-ли... Меня вѣроятно засудятъ и далеко сошлютъ.

— А что ты мнѣ дашь, если я отомщу за тебя? Дашь то, что ты остался мнѣ долженъ?

Антоніо подумалъ.

— Ты обманешь, сказалъ онъ.— Деньги возьмешь, а самъ ничего не сдѣлаешь.

Матвѣй угрюмо усмѣхнулся.

— Нѣтъ, не обману, отвѣтилъ онъ.

— Зачѣмъ мнѣ обманывать тебя? Вѣдь если я отомщу за тебя Керуэлю, то и самъ погрѣю себѣ руки объ его деньги. Развѣ Керуэль бѣдно живетъ? Развѣ нельзя ограбить и его? Такъ зачѣмъ-же мнѣ тебя обманывать? Нѣтъ, уплати мнѣ деньги и я тотчасъ-же отомщу за тебя этому негодяю!

— Клянись!

— Изволь.

Антонио вытащилъ изъ кармана кошелекъ и выдалъ Матвѣю тридцать франковъ. Глаза Матвѣя при видѣ денегъ засверкали.

— Смотри-же, сказалъ Антонио. — Если ты не сдержишь своего слова, то я тебя найду хоть на днѣ моря и ужъ тогда берегись!

— Не беспокойся, не обману! Я еще самъ пошарю въ кассѣ у Тома Керуэля! У него, говорятъ, деньжищъ куры не клюютъ!

И на другой день они разстались.

Въ тотъ-же день вечеромъ Томъ Керуэль сидѣлъ у себя въ спальнѣ и читалъ. Марія-Жанна отпустила послѣдняго посѣтителя, заперла трактиръ и, обойдя весь домъ, осмотрѣла всѣ ставни. Это она дѣлала всегда больше по привычкѣ, чѣмъ изъ боязни, что ее могутъ обокрасть, и сдѣлавъ все это, тоже вошла въ спальню. Уставши за цѣлый день стоять на ногахъ, она тяжело опустилась на стулъ. Сбоку, въ сосѣдней комнатѣ, мирно спалъ Ноэль.

Томъ Керуэль положилъ на столъ газету, которую читалъ, сдвинулъ

очки на лобъ и долго, молча смотрѣлъ на жену.

— Что, устала? спросилъ онъ ее наконецъ.

Марія-Жанна. Да, немного... Не столько тѣломъ, сколько душою.

Томъ Керуэль. Что-же тебя такъ волнуетъ?

Марія-Жанна. У меня не выходитъ изъ головы эта исторія съ комедіантами.

Томъ Керуэль. Но вѣдь они уже арестованы и ихъ нечего бояться!

Марія-Жанна (вздохнувъ). Я ихъ и не боюсь. Мнѣ жаль эту бѣдную дѣвочку Аниту, которая теперь лишилась хоть и злыхъ, но все-же близкихъ людей. Куда ей дѣваться? Что съ нею будетъ теперь?

Томъ Керуэль. Но вѣдь она сейчасъ у бригадира!

Марія-Жанна. А развѣ бригадиръ будетъ долго держать ее у себя? У него у самого большая семья и каждый лишній человекъ ему будетъ въ тягость. Навѣрное, онъ отдастъ бѣдняжку куда-нибудь въ пріютъ... Бѣдное, бѣдное, бездомное дитя! (вытираетъ слезы).

Томъ Керуэль. Тебѣ жаль ее, Марія-Жанна?

Марія-Жанна. Зачѣмъ ты спрашиваешь объ этомъ, Томъ? Какъ-же можно не пожалѣть ребенка, брошеннаго на произволь судьбы? Вѣдь у Аниты нѣтъ ни матери, ни отца, и теперь ее некому ни пожалѣть, ни приласкать... А развѣ можно оста-

ваться ребенку безъ ласки? На то и дѣти, чтобы ихъ ласкать.

Томъ Керуэль всталъ изъ-за стола и долго, не говоря ни слова, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ. Шелъ дождь, шумѣлъ въ листьѣхъ деревьевъ вѣтеръ и наступало то время, когда закончившееся лѣто не желаетъ уступить своихъ правъ зимѣ и вступаетъ съ нею въ борьбу.

— Что-то холодно... сказалъ наконецъ Томъ Керуэль.— Не затопить ли намъ каминъ?

— Не хочется... отвѣтила Марія-Жанна.— Если тебѣ не трудно, то затопи самъ. Я устала!

Томъ Керуэль склонился на одно колѣно передъ каминомъ и сталъ зажигать дрова.

— Вотъ погоди, жена, сказалъ онъ,— выростетъ нашъ Ноэль, тогда онъ намъ будетъ зажигать каминъ! Тогда мы отдохнемъ!

Марія-Жанна глубоко вздохнула.

— Ноэль мальчикъ, отвѣтила она,— онъ всегда будетъ съ тобою, а я такъ и останусь одинокой на всю мою жизнь!

Томъ Керуэль пытливо посмотрѣлъ на нее.

— Что ты хочешь этимъ сказать? спросилъ онъ.

Марія-Жанна опустила глаза.

— Мнѣ такъ-бы хотѣлось имѣть дочь!.. сказала она.

И, поднявшись со стула, она подошла къ стоявшему на одномъ колѣнѣ у камина Тому Керуэлю и обняла его за шею.

— Знаешь, Томъ, сказала она,— давай возьмемъ Аниту къ себѣ! Она будетъ мнѣ вмѣсто дочери... Я ее буду любить, ласкать, учить, какъ быть доброю, хорошею хозяйкой...

Томъ Керуэль поднялся на ноги. Выраженіе лица его было серьезно, хотя въ глазахъ у него вдругъ засверкала радость.

— А какъ-же Ноэль? спросилъ онъ.— Вѣдь у насъ уже есть Ноэль?

Лицо Маріи-Жанны засвѣтилось надеждой.

— Такъ что-жъ? сказала она.— Вѣдь я уже говорила тебѣ, что если хватаетъ на одного, то будетъ хватать и на двоихъ! Развѣ мы уже такъ стары, что не можемъ заработать на двоихъ? Но зато какая насъ радость ждетъ впереди! У насъ будутъ сынъ и дочь! Ты только подумай объ этомъ, Томъ! Вѣдь это счастье, какого многіе не знаютъ вовсе!

Томъ Керуэль подошелъ къ женѣ и крѣпко ее обнялъ. Слезы текли у него по щекамъ.

— Спасибо тебѣ, Марія-Жанна, сказалъ онъ.— Имѣть дочь— было и моею мечтой! И такъ, давай возьмемъ къ себѣ маленькую Аниту и пусть она растетъ у насъ вмѣстѣ съ Ноэлемъ, какъ его сестра, и будетъ намъ съ тобою, какъ родная дочь!

И оба они подошли къ кровати Ноэля и опустились передъ нею на колѣни. Потомъ Марія-Жанна приподняла мальчика за головку съ подушки и горячо его поцѣловала въ лобъ.

— Тише... зашепталъ Керуэль.—
Разбудишь! Пусть себѣ спитъ наздо-
ровье!

— Не разбужу!.. зашептала ему въ
отвѣтъ Марія-Жанна.

И, склонившись еще ниже надъ
Ноэлемъ, она помолчала немного и
затѣмъ сказала:—

— У тебя скоро будетъ сестра!

— Кто?.. вдругъ спросилъ проснув-
шійся Ноэль.

— Анита!.. отвѣтила Марія-Жан-
на.—Мы ее беремъ къ себѣ!

Ноэль всталъ на кроваткѣ на ко-
лѣни и увидѣвъ передъ собою Марію-
Жанну и Тома-Керуэля, тоже сто-
явшихъ на колѣняхъ передъ его кро-
ваткой, обнялъ ихъ за шеи и нѣжно
притянулъ ихъ къ себѣ.

А на дворѣ шелъ дождь и вѣтеръ
попрежнему шумѣлъ въ деревьяхъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

■ Фамиліи подписчиковъ, вѣрно отгадавшихъ головоломки и загадки, помѣщенные въ
№ 21 «Золотого Дѣтства», будутъ напечатаны въ слѣдующемъ номерѣ. ■

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИКЪ.

Лелѣ Дыховой въ Сызрани. Редакція «Зо-
лотого Дѣтства» готовитъ къ печати статью о
попугаяхъ, въ которой Вы найдете все, что Васъ
интересуетъ.

Женичкѣ Ч. въ Спб. Одна изъ лучшихъ
французскихъ книжекъ для маленькихъ дѣтей,
по нашему мнѣнію, хрестоматія Le Chanoine
Schmidt «190 contes pour les enfans».

